

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дворец Омбриер, Бордо. Июль 1137

от и он приехал. По крайней мере, свита его здесь — королевских штандартов я не вижу. А ты разве не взволнована? Чего ты ожидаешь от будущего?

Аэлита, сестра, младшая меня двумя годами и еще переполненная детской восторженностью несмотря на то, что ее тело стало обретать женские формы, набросилась на меня с расспросами, спеша высказать и свое мнение о происходящем.

— Мои надежды не играют здесь ни малейшей роли.

Я внимательно следила за царящей во дворе суетой.

Нравилось мне это или нет, но в супруги я заполучила Людовика Капета¹.

Ни о чем другом я не думала с того дня, как отец мой на смертном одре решил отдать меня под опеку Людовика Толстого² — короля Франции, ни больше ни меньше — и тем бесповоротно определил мое будущее. А я и сама не знала, радоваться мне или горевать. Выбор жениха скорее вселял тревогу, но к ней примешивалось и радостное волнение. Стать королевой Франции? Титул звучал солидно, и я была не против, хотя Аквитания куда обширнее, чем молодое северное коро-

---

¹ Людовик VII (1119/1121—1180) — французский король (с августа 1137) из династии Капетингов. Один из предводителей Второго крестового похода (1147—1149).

² Людовик VI Толстый (декабрь 1081 — август 1137) — отец Людовика VII, король Франции в 1108—1137 гг.

левство¹. Я стану герцогиней Аквитанской и королевой Франции, и нет нужды сообщать молодому муженьку, какой из этих двух титулов я считаю более важным. А впрочем, отчего бы и не сказать? Может быть, скажу. Пренебрегать моим мнением я супругу не позволю.

Я — Элеонора, дочь и наследница Гильома, десятого герцога Аквитанского², старшая из его детей, хотя и не рожденная править герцогством. Не то чтобы закон закрывал дорогу к подобной чести мне, женщине (как во Франции, королевстве северных варваров), но раньше у меня был младший брат, которому и предназначалась герцогская корона. Его, Гильома — а это имя носил старший из сыновей в каждом поколении нашей семьи, — унесла какая-то неведомая лихорадка, подобная той, что прекратила страдания моей матери Аэноры, в которой жизнь всегда едва теплилась. И осталась я. За прошедшие с тех пор семь лет я свыклась с этой мыслью. Я должна была по праву стать во главе герцогства.

Но что-то тревожило меня. Кажется, никогда прежде я не испытывала никаких тревог — да и с чего бы, раз я законная наследница своего отца. Земли мои были обширны, изобильны, в них царил порядок. По воспитанию я привыкла к роскоши, ум мой изошрилы науки, знала я музыку и прочие искусства. Была я крепка и, как говорили люди, красива. Словно угадав эти мысли, мой трубадур Бернар стал напевать всем известный куплет:

---

¹ Аквитания, историческая область на юго-западе современной Франции, была завоевана еще Юлием Цезарем. С V века н. э. — королевство, затем полунезависимое герцогство под эгидой франкских королей. С конца VIII в. — королевство в составе империи Карла Великого, позднее снова герцогство под номинальной властью королей Франции. По размерам территории вчетверо превосходила королевский домен. Утратила самостоятельность в 1137 г. со смертью последнего герцога Гильома X, став приданым его дочери и наследницы Элеоноры при ее бракосочетании с наследником французского престола.

² Гильом (Гийом, Вильгельм) X (1099—1137) — герцог Аквитании, герцог Гаскони и граф Пуатье с 1126 г. Умер во время паломничества — вероятно, от пищевого отравления, в апреле 1137 г.

Кто видит лишь, как она танец ведет,
Как, стан изгибая, кружится,
Тот знает: с Царицею Радости
Никто не сумеет сравниться.

Я улыбнулась. Право же, Царица Радости. Зеркало подтверждало, что все это не просто лесть, не своекорыстные пустые комплименты, которыми осыпает свою покровительницу нищий менестрель. При всем том, однако, я не была простодушна. Одинокая, незамужняя, лишённая опоры, я не смогу править полновластно. Необходим муж с крепкой рукой, умеющей держать меч, и могучими чреслами, дабы произвести со мною наследника — своего и моего. Сильный властитель, на которого смело смогу положиться и я, и вся Аквитания; такой человек, который сумеет командовать воинами и привести к повиновению жадных до власти сеньоров — иначе они растащат мои владения по клочку. Мужчина, достойный такой женщины, как я.

Да только отвечает ли таким идеальным представлениям принц Людовик?

— Ну же? — наседала на меня Аэлита.

— Чего я жду? Принца, конечно, — ответила я.

— Это не ответ.

— Мужчину, который придется мне по сердцу.

— Надутого от важности? — Облокотившись на резной подоконник, Аэлита стала загибать пальцы. — Самонадеянного? Заносчивого?

Но я не поддержала игривый тон проказницы-сестрицы и ответила ей вполне серьезно:

— А почему бы и нет? Он ведь станет править моими землями. И делать это должен как следует. А если у него нет ни твердости, ни огня, он с этим не справится. Уж лучше заносчивый мужчина, чем такой, кто станет всякому набиваться в друзья. Чтобы править моими вассалами, необходима твердая рука.

Мы все: Аэлита, придворные дамы и я — стояли в моей опочивальне, на верхнем этаже старой цитадели. Комната была просторная, изысканно украшенная, с огромными окнами,

которые впускали много света и всякое дуновение ветерка, даже в такой невыносимо жаркий день. Это была моя любимая комната, наполненная дорогими моему сердцу вещами, и отсюда я могла смотреть на дальний берег Гаронны, наблюдая, как час за часом меняется открывающийся вид. Стоял июль, было жарко, как у врат ада, и я теряла терпение, пока мы с Аэлитой вместе смотрели на растущий внизу лагерь. Шатры и палатки росли как грибы, покрывая просторные луга, постепенно превращаясь в самостоятельный вольный город. Оживленный, переливающийся всеми красками город Капетингов на земле Аквитании. В нем чувствовался чужеземный дух, а над всем этим реяли французские *fleurs de lys*¹. Я не могла не признать, что это предзнаменование будущего, символ власти Франции над могучим герцогством Аквитанским. Я видела, как скачут кони, как толпятся повсюду вооруженные мужчины. Уже появились там мастерские кузнецов и колесников, а вскоре возник и стал разрастаться рынок. По реке сновали маленькие лодочки, перевозившие то франкских аристократов, то целые горы капусты. Я не сомневалась, что мои вассалы еще подумают, прежде чем решат, который из этих грузов ценнее. Такой брак не принесет мне всенародного признания, но нам всем придется с ним смириться.

— Он, должно быть, красивый, это точно, — заявила Аэлита. Она слишком рано стала проявлять интерес к мужчинам.

— Конечно. — Я и помыслить не могла о муже, который не будет радовать хотя бы взор.

— Такой, как Раймунд... — Аэлита чуть слышно вздохнула.

Раймунд де Пуатье, юный брат отца, теперь был принцем Антиохийским в далекой Святой Земле².

---

¹ Fleur de lys (*фр.*) — геральдическая лилия, эмблема французских королей (букв. ирис, цветок, напоминающий верхнюю часть королевского скипетра).

² Раймунд (1115—1149), граф де Пуатье, с 1136 по 1149 гг. был князем Антиохии, одного из небольших государств, созданных крестоносцами в Палестине. Погиб в бою с арабскими войсками.

— Да, как Раймунд, — согласилась я. Раймунда я видела один-единственный раз, тому уж четыре года, и очень недолго, всего две-три недели, но память об этом золотоволосом красавце не померкла со временем. В моем представлении Раймунд был воплощением всех рыцарских доблестей. — Коль французский принц окажется хоть немного похожим на Раймунда, я буду неустанно благодарить Бога. — Тут мое внимание привлекла возникшая на том берегу реки суматоха. — Погляди! Вот и королевский штандарт! — Я указала рукой. Аэлита высунулась из окна, чтобы разглядеть синие с золотыми лилиями флаги Франции. — Значит, прибыл наконец и принц Людовик.

— Надеюсь, он хотя бы красивее Людовика Толстого, — хихикнула сестрица.

— А если нет, то я тебе отдам свой золотой браслетик. Толстый Людовик — просто гора жира, да к тому же дизентерией страдает.

На самом деле я хорошо понимала, что недооценивать короля Людовика нельзя. Быть может, тело у него никуда не годится, но умом он еще куда как крепок. Возможно, он слишком грузен и ему нелегко вставать с ложа, возможно, слишком разжирел и ему не взобраться что на коня, что на женщину (как утверждали злые языки), но на меня он смотрит как на дар, свалившийся на его необъятные колени прямо с небес.

Мы смотрели, как возводят еще один шатер, больше всех прочих. Рядом с ним установили знамя Капетингов, которое тут же обвисло в полном безветрии. К нему подъехала и спешилась группа всадников. На таком расстоянии лиц не рассмотреть.

— Ты знаешь, им это не понравится, — сказала я тихо. — Мои вассалы будут этим очень недовольны.

— Но выбора-то у них нет, — поджала губки Аэлита. — А если принц сумеет прогнать от наших границ разбойников, то вассалы вообще не смогут роптать.

По сути, это правильно, но на деле все куда сложнее.

На этот ли брак с франком рассчитывал мой отец, герцог, когда препоручал меня покровительству короля Людовика?